

Этика диетика

«Захудалый род» СЕРГЕЯ ЖЕНОВАЧА НА «ЗОЛОТОЙ МАСКЕ»
обобщает ГЕОРГИЙ ПЕСКОВ

МЕТАФОРУ «ТЕАТР —
ХРАМ ИСКУССТВА»
ЖЕНОВАЧ ПОНИМАЕТ БУКВАЛЬНО

В 2006 ГОДУ этим спектаклем официально открылась столичная «Студия театрального искусства» (СТИ), хотя театром актерско-режиссерский курс Сергея Женовача номинально стал еще до выпуска из РАТИ-ГИТИСа. Спектакли «Женовачей» полюбили все и сразу, они номинировались на «Золотую маску» и выдерживали беспрецедентный для студенческих работ аншлаг. До сих пор в Москве так обожали только «Фоменок». В этих двух театральных романах, кажется, много общего: Сергей Васильевич учился у Петра Наумовича, как и он, предпочитает камерную сцену, студийный формат и прозу. Однако успехи учителя и ученика имеют едва ли не противоположную природу: если к Фоменко ходят за театром, то к Женовачу — за чем-то еще.

Он руководит чуть ли не единственным в Москве коллективом, который последовательно воплощает представление о театре как о кафедре, с которой нужно вещать, воспевать, оплакивать, проповедовать. Словом, учить жить. Метафору «театр — храм искусства» Женовач понимает буквально. «Захудалый род», как и все следующие постановки Женовача в СТИ, это классический образец театра, посягающего на то, чтобы быть больше, чем театр.

Вообще в этом не было бы ничего плохого, если бы не тривиальная опасность, что «больше» затмит театр. Так и случилось в случае Женовача, едва не трагиче-

ском: в 1990-е и в начале 2000-х, унаследовав от учителя мастерство и обостренное чувство театра, он слыл одним из самых тонких драматически мыслящих московских режиссеров. Тогда театр Женовача был игрой. С годами в спектаклях и, видимо, в сознании их постановщика произошла подмена: театральностью Женовач пожертвовал ради идеи, и та вытеснила драму и игру — все заметнее в каждом следующем спектакле. Режиссер понемногу превращался в миссионера.

Наблюдая последние спектакли СТИ — пресные, аскетичные, нравоучительно-неповоротливые, — трудно поверить, что они поставлены тем же человеком, что и лукаво-ироничные, сияющие гармонией постановки в других театрах, в том же Малом или МХТ. Симптомы будущего увядания налицо в «Захудалом роде». В спектакле по роману Лескова проглядывает стремление отдалиться от драмы в пользу читки — через два года это стремление породило антитеатральную «Битву жизни» по Диккенсу. При всей своей тонкости Женовач всегда был как-то простодушен; в «Захудалом роде» он примеряет аскезу, с годами принимающую почти болезненные формы. Попытка заполнить глубоким содержанием лакуны сценической оболочки — а формальное мастерство Женовач демонстрирует и вправду удивительное — была обречена на провал, еще когда анонсом в СТИ и не пахло.

Зато удовлетворена тяга столичного зрителя к «духовке»: богоискательство, вера, дворянство, идеальный русский человек, любовь к ближнему, мессианство, нравственность, почвенничество, проповедничество, смирение, фанатизм. Понятно, при такой общественной нагрузке Женовачу просто некогда заниматься профессией — поисками нового театрального языка или, допустим, работой со старым. Публика этим скорее довольна: неторопливыми постановками по Лескову и Диккенсу Женовач восполняет зрительскую тоску по нарративу, отсюда явно ощущимый в «Захудалом роде» привкус мыльной оперности.

«Захудалый род» — типично русский извод идеологического театра. Он отшатывается от современности, мифологизирует прошлое, подчеркнуто консервативен, Женовач крепко держит полуистлевшее знамя русского психологического театра. СТИ, начавшаяся с «Захудалого рода», появилась в нужное время в нужном месте — Москва, обвешанная театром, нуждалась в чем-то вроде кельи, где показывали бы что-нибудь очень строгое, духовно-назидательное. Потому и выходит: что для Женовача аскеза, для его постоянной публики лишь диета.

Малый драматический театр —
Театр Европы, 26 и 27 сентября, 18.00